

**ОДРИ
ЛОРД**

**СЕСТРА-
ОТВЕР
ЖЕННАЯ**

No Kidding Press

Одри Лорд

Сестра-отверженная

«ВЕБКНИГА»

1984

Лорд О.

Сестра-отверженная / О. Лорд — «ВЕБКНИГА», 1984

ISBN 978-5-60-472885-7

«Сестра-отверженная» Одри Лорд – один из основополагающих текстов Черного и интерсекционального феминизма. Пятнадцать эссе и выступлений, вошедших в этот сборник, посвящены тому, как выживать в условиях множественного угнетения, как видеть в различиях между людьми не угрозу, а созидательную силу, как действовать вопреки отчаянию и страху. Лорд берет за отправную точку свой опыт – опыт Черной женщины, лесбиянки, матери, той, кто не вписывается в «мифическую норму», – и формулирует свою правду как противоядие от искажений, порождаемых сексизмом, расизмом и другими формами угнетения. Сочетая поэтическую выразительность с активистской страстностью, она создает теорию для жизни – инструмент, призванный помочь нам противостоять ненависти и насилию, объединяться вопреки различиям и вместе работать ради более человеческого будущего для всех.

ISBN 978-5-60-472885-7

© Лорд О., 1984

© ВЕБКНИГА, 1984

Содержание

Предисловие к изданию на русском языке	6
Предваряющее замечание о языковых особенностях: гендер и раса	9
Предисловие к оригинальному изданию	10
Путевые заметки из России[2]	13
I	14
II	17
III	20
IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Одри Лорд

Сестра-отверженная. Эссе и выступления

Copyright © 1984 by Audre Lorde

© Мира Тай, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2022

Предисловие к изданию на русском языке

Представляя «Сестру-отверженную» Одри Лорд русскоязычным читательницам, я бы хотел говорить в первую очередь о ее вневременном значении и непреходящей актуальности в любом месте, в любую эпоху. Но прямо сейчас мы находимся в переломном моменте. Как вообще можно сейчас говорить и думать о феминизме? Остается ли еще хоть что-то вневременное? Мира Тай, с которым мне посчастливилось работать над этой книгой, считает ее особенно актуальной именно сегодня. Соглашусь, что в ситуации неоколониального насилия анализ Одри Лорд ценен как никогда. В то же время эта книга охватывает намного больше, чем потребности текущего момента. И если у нас впереди есть какое-то будущее, я хочу попробовать наметить несколько линий размышления по поводу «Сестры-отверженной» в надежде, что их время еще когда-нибудь придет.

Перед вами одна из самых важных для современного феминизма книг.

«Сестра-отверженная» Одри Лорд – один из основополагающих текстов Черного феминизма. Именно в Черном феминизме берет свое начало интерсекциональность – ключевой современный феминистский подход к осмыслению общества, власти и справедливости. Наряду с текстами белл хукс, Патрисии Хилл Коллинз, Глории Ансальдуа, «Сестра-отверженная» Лорд формирует язык интерсекциональности как способа думать и действовать. В этом смысле «Сестра-отверженная» – бесценный источник и подспорье как для тех, кто занимается политическим, социальным или культурным анализом, так и для тех, кого интересует в первую очередь жизненная и политическая практика: как выживать в условиях множественного угнетения, как поддерживать других, как вместе что-то менять в этом мире и двигаться к освобождению и справедливости для всех.

Как и другие Черные феминистки и феминистки Цвета, Лорд берет за отправную точку собственный жизненный опыт – опыт Черной женщины, лесбиянки, матери, той, кто не вписывается в «мифическую норму» и поэтому всюду оказывается чужой, отверженной. Размышления Лорд имеют совершенно практическую цель – выживание. Как выжить внутри системы, стремящейся тебя уничтожить? Вот некоторые ответы, которые она находит в своем многолетнем поиске: тщательно изучать ненависть, направленную на тебя со всех сторон, введя в свое восприятие и естество. Учиться противостоять ей. Учиться протягивать руку другим отверженным. Учиться любить наперекор ненависти, действовать сообща и работать ради общего будущего.

Для русскоязычных контекстов эти вопросы и размышления актуальны так же, как и для любых других. Русскоязычные феминистские сообщества уже не одно десятилетие разрабатывают язык и методы для осмысления конкретных условий жизни в постсоветских обществах. Диалог с феминистскими мыслительницами из других стран всегда был важен в этих поисках. Но часто он заходит в тупик, потому что белая «западная» феминистская теория, к которой постсоветские феминистки обращаются как к образцу и источнику феминистской мысли, не так много помогает нам понять о гендерном угнетении в контексте других отношений власти. В этом смысле взаимодействие с Черным феминизмом и феминизмом Третьего мира может оказаться гораздо продуктивнее. Например, в мейнстримном белом феминизме не стоит вопрос об общем угнетении с мужчинами – и соответственно, о том, как соединять солидарность с мужчинами и феминистское освобождение. Этому посвящено, в частности, эссе «Сексизм: американская болезнь в блэкфейсе» – ответ Черному интеллектуалу, выступившему с публичными обвинениями в адрес «обозленных Черных феминисток». В русскоязычных контекстах мы можем использовать этот текст как ресурс и опору для соединения феминистской работы и с антирасистской и антиколониальной борьбой, и с противостоянием авторитарным и тоталитарным государствам.

Если говорить о диалоге с постсоветскими феминизмами, «Сестра-отверженная» – редкий и, по всей видимости, уникальный пример среди фундаментальных текстов Черного феминизма, который напрямую обращается к нашим обществам и анализирует их. «Путевые заметки из России», открывающие этот сборник, представляют пронизательный, заинтересованный и критический взгляд Черной феминистки-социалистки на Советский Союз. Компенсируя скудость и ненадежность материала из двухнедельной официальной поездки фантастической наблюдательностью, Лорд чутко улавливает противоречивость советской гендерной и национальной/расовой политики, последовательно фиксирует несовпадения между советскими декларациями и практикой и так же последовательно опровергает американские пропагандистские стереотипы эпохи холодной войны. Ее интерсекциональный анализ высвечивает знакомые нам реалии под небывалым углом и дает нам столь необходимые инструменты для осмысления нашего прошлого и настоящего.

Хотя многое в текстах Лорд располагает к заимствованию и переносу в другие жизненные контексты, есть в них и специфические элементы, которые для этого не предназначены. Так, слово «сестра», вынесенное в заглавие, может показаться очевидным, не требующим пояснений феминистским понятием. Но если по-русски «сестра» отсылает к универсальному, часто эссенциалистскому представлению о «женщине вообще» и «общем женском опыте», то Лорд почти неизменно пользуется словом «сестра» так, как это принято в Черной культуре, – для обозначения именно Черных женщин (ср. например: «в конференции участвует всего четыре сестры») (1). Само заглавие книги, таким образом, указывает на конкретную позицию, из которой говорит Лорд, и приглашает задуматься о специфике конкретных угнетений. Что такое анти-Черный расизм в США? Детальному разбору этого посвящены, в частности, эссе «Применение гнева» и «Глаза в глаза». В чем это похоже на анти-Черный расизм и другие формы расизма в вашей стране, а в чем – отличается от них? Эти вопросы вы можете задать себе, взяв эссе Лорд за отправную точку и ориентир.

Тексты, вошедшие в этот сборник, написаны в 1970-х и 1980-х годах, поэтому в них неизбежно есть и историческая специфика. Пожалуй, самое яркое ее проявление – строгая гендерная бинарность и отсутствие любых упоминаний о трансгендерности. Лорд пользуется радикальным феминистским языком своего времени и порой не чужда некоторого эссенциализма, когда ссылается на «женскую силу» или древних богинь. Она знает только о существовании женщин и мужчин и верит в неустранимое различие между ними – и это приводит ее к внутреннему конфликту, которому посвящено эссе «Дитя-мужчина: ответ Черной лесбиянки-феминистки» об отношениях матери-лесбиянки с взрослеющим сыном. С современных позиций подход самой Лорд, так же как и ее редакторки Нэнси Береано, повторяющей вслед за ней: «Наши сыновья не вырастут в женщин» (2), – не выдерживает критики. Если кто-то сегодня твой сын, ты не можешь знать, не окажется ли этот ребенок завтра твоей дочерью. Однако заслугой Лорд представляется уже то, что она фиксирует этот основополагающий недостаток имеющегося в ее распоряжении феминистского языка. Опираясь, как и всегда, на глубинное, живое и реальное – свою любовь к сыну, – она ясно обозначает и возможность непатриархальной, феминистской маскулинности, и непригодность радикально-феминистского сепаратизма.

Таким образом, даже если Лорд в явной форме не критикует гендерную бинарность, она подходит почти вплотную к такой критике. Отвержение сепаратизма, в свою очередь, – это ее последовательная позиция, так же как и критика белых феминисток, которые отказываются видеть другие виды угнетения, кроме гендерного. «Орудия хозяина никогда не разрушат хозяйский дом» и «Открытое письмо к Мэри Дейли» – ключевые тексты, закладывающие основу интерсекциональной критики эссенциалистского феминизма. Наследие этих дебатов очевидно: Мэри Дейли руководила диссертацией Дженис Рэймонд, впоследствии переработанной в книгу «Транссексуальная империя», сформировавшую тот язык ненависти, которым пользуются сегодня трансэкслюзивные радикальные феминистки. В Черном феминизме

Лорд, в свою очередь, берут свои истоки интерсекциональный феминизм и транс* движение, вместе борющиеся сегодня против всех видов гендерного фундаментализма.

Читать «Сестру-отверженную» по-русски, особенно в 2022 году и еще долгие годы после, вероятнее всего, будет значить снова и снова искать баланс между мысленным перемещением в тот специфический контекст, в котором были написаны эти тексты, и переводом их на язык вашей жизни, вашего «здесь и сейчас». Вы можете читать «Возвращение в Гренаду» как исторический комментарий или как глубоко личный рассказ Лорд о войне на той земле, где родилась ее мать. Вы можете читать его и как интерсекциональный феминистский анализ захватнической войны, которую развязала могущественная империя против небольшой страны, осмелившейся претендовать на самоопределение. Не призывая к поспешным аналогиям, я бы хотел пригласить читателей отдавать должное специфике этих текстов и в то же время использовать их так, как предлагала и сама авторка: учиться у нее, заимствовать ее идеи и методы для вашей жизненной практики.

«Отказаться участвовать в создании нашего будущего – значит сдаться. Не дайте обмануть себя, не дайте загнать себя в пассивность ложным чувством безопасности (это не про меня) или отчаянием (нам ничего не изменить). Каждый и каждая из нас должны найти свою работу и делать ее. Готовность к борьбе... это значит трудиться не покладая рук ради перемен, иногда без малейшей уверенности в том, что перемены наступят. <...> Это значит бороться с отчаянием» (3).

Ваня Соловей

13 марта 2022 года

Предваряющее замечание о языковых особенностях: гендер и раса

Этот сборник включает эссе, интервью и тексты устных выступлений Одри Лорд. Многообразие жанров и стилей этих текстов требует использования в русском переводе гибкого подхода к выражению гендерной чувствительности.

При графическом обозначении гендерно-разнородных групп мы отдаем предпочтение формам с написанием через косую черту – например, «американ/ки». Такая форма написания призвана показать, что речь может идти о женщинах и мужчинах (Лорд рассматривает только эти два гендера). В текстах, основанных на устных выступлениях, и в особенности в неформальной беседе-интервью с Адриенной Рич, мы также используем женский род как общий, опираясь на сложившуюся феминистскую устную практику. Помимо этого, мы используем другие элементы современного гендерно-чувствительного русского языка – в частности, согласование по множественному числу вместо мужского рода (например, «те, кто искали собственную судьбу»). Мы отдаем предпочтение взаимному местоимению «друг другу», потому что оно по форме ближе к гендерной нейтральности, чем более употребительное «друг друга», а также потому что оно принадлежит к языку активистских сообществ с присущим им акцентом на взаимной теплоте и заботе. Мы отказываемся от гендерно-чувствительных форм в редких случаях, таких как исторические названия (например, «Союз писателей СССР»).

Следуя оригинальному тексту, мы используем в русском переводе термины «Черные» и «люди Цвета» как политические самоназвания групп, подвергающихся расизму. Мы также сохраняем расистские слова и выражения в тех редких случаях, когда они встречаются в оригинале. Мы полагаем, что решение Лорд употреблять эти слова в определенных контекстах было взвешенным, и отдаем дань уважения ее замыслу и авторитету как антирасистской мыслительницы. В то же время мы признаем, что воспроизведение расистского языка может работать на укрепление расистских идей, и призываем наших читателей_ниц не использовать эти слова.

Предисловие к оригинальному изданию

Когда мы приступили к редактуре «Сестры-отверженной» – спустя много времени после того, как книга была задумана, контракт заключен, новый материал написан, – Одри Лорд сообщила мне за работой, что она не пишет теории. «Я поэтесса», – сказала она.

Значение Лорд как поэтессы неоспоримо. Однако несомненно и то, что «Сестра-отверженная» – сборник избранных эссе и речей, написанных этой Черной лесбиянкой-феминисткой за последние восемь лет, – сделал для многих очевидным то, что другие уже знали: голос Одри Лорд играет ключевую роль в разработке современной феминистской теории. Она – авангард феминистского самосознания.

Пятнадцать представленных здесь избранных текстов, среди которых есть опубликованные впервые, – это обязательное чтение. Будь то уже хорошо известное эссе «Применения эротического: эротическое как сила», которое раскрывает нас навстречу потенциальной силе эротического, неявно присутствующей во всех сферах нашей жизни:

...Когда я говорю об эротическом, я говорю об утверждении женской жизненной силы, о той творческой энергии обретения силы, знание и применение которой мы теперь переприсваиваем в нашем языке, нашей истории, наших танцах, нашей любви, нашем труде, наших жизнях (1).

Или недавно написанный текст «Глаза в глаза: Черные женщины, ненависть и гнев», исследующий белые расистские корни враждебности между Черными женщинами:

Мы – Черные женщины, рожденные в обществе закоснелой ненависти и презрения ко всему Черному и женскому. Мы сильные и стойкие. И мы изранены (2).

Работа Лорд расширяет, углубляет и обогащает наше понимание того, что такое феминизм и чем он может быть.

Но как быть с «конфликтом» между поэзией и теорией, между этими отдельными и будто бы несовместимыми сферами? Нас учили, что поэзия выражает чувства, а теория излагает знания; что поэт творит в порыве момента, а теоретик непременно рассуждает холодно и тщательно; что одно – искусство и потому воспринимается «субъективно», а другое – наука, отвечающая за «объективный» мир идей. Нас учили, что у поэзии есть душа, а у теории разум и что мы должны выбирать между ними.

Белый западный патриархальный порядок вещей требует от нас верить, что между чувством и мыслью, между поэзией и теорией есть неустранимое противоречие. Нас легче контролировать, если части нашего «я» разделены, раздроблены и разбалансированы. Но есть и другие возможности, другие способы переживания мира, хотя их часто и нелегко назвать. Мы можем чувствовать их и искать их выражения. Поскольку задача феминизма в том, чтобы выстраивать связи и залечивать ненужные отчуждения, «Сестра-отверженная» – это искра надежды.

Тексты Одри Лорд – это импульс к обретению целостности. То, что она говорит, и то, как она говорит, вовлекает нас эмоционально и интеллектуально. Она пишет, исходя из того, кто она есть: Черная женщина, лесбиянка, феминистка, мать двоих детей, дочь иммигрант/ок из Гренады, преподавательница, пережившая рак, активистка. Из обыденности своей жизни она создает материал, которым мы можем воспользоваться, чтобы изменить нашу. Из своего желания целостности, потребности объять и осмыслить все части себя она учит нас значению различия – «той первозданной и мощной связи, из которой выковывается наша личная сила» (3). Я, белая еврейка, лесбиянка и мать, впервые прочитала эссе «Дитя-мужчина: ответ

Черной лесбиянки-феминистки» несколько лет назад, в тот самый момент, когда переживала трудности с принятием неизбежной мужественности моего растущего сына. Мой мальчик не только станет мужчиной физически, но, возможно, будет и вести себя как мужчина. Это осознание обернулось для меня серьезным кризисом, тем более что все матери-лесбиянки, которых я знала (и которые, как я осознала лишь со временем, тоже были белыми), либо настаивали, что их «андрогинные» сыновья такими и останутся и не вырастут в мужчин – сексистов и мизогингов, либо были вынуждены выбирать между сепаратистской идеей сообщества и своими сыновьями. Выбирать было особо не из чего, и я чувствовала себя загнанной в угол.

Но Лорд смотрит шире. Она берет за отправную точку реальность близящегося возмужания своего ребенка («Наши сыновья не вырастут в женщин» (4)), а затем задается вопросом, каким именно мужчиной он станет. Она ясно видит, что может и неистово любить своего сына, и в то же время отпустить его. По сути, чтобы оба они могли жить дальше, она вынуждена отпустить его, показать, что у нее «нет обязанности чувствовать за него» (5).

И Лорд, и я – матери-лесбиянки, которым пришлось учить наших мальчиков самих делать их эмоциональную работу. Но ее сын, Джонатан, – Черный, а мой сын, Джошуа, – белый, и в расистском обществе это не тривиальная разница, несмотря на то что оба они – мужчины. Как пишет Лорд в другом тексте:

Некоторые проблемы у нас как женщин общие, другие – нет. Вы боитесь, что ваши дети вырастут, присоединятся к патриархату и станут свидетельствовать против вас – мы же боимся, что наших детей выволокут из машины и расстреляют на улице, а вы не захотите ничего знать о том, от чего они гибнут (6).

Я прочитала «Дитя-мужчину», и это был один из тех запоминающихся моментов, когда чувствуешь, как внутри тебя меняется что-то важное.

Я поняла, что дело не только в том, что Лорд больше меня знает о воспитании сыновей, хотя я и получала экспертные советы. Я осознала, насколько непосредственно знания Лорд связаны с ее различием – теми реалиями Черности и лесбийства, которые выдворяют ее за пределы господствующего общества. Она знала такие вещи, о которых я, белая женщина, прожившая большую часть своей жизни в гетеросексуальном мире среднего класса, понятия не имела, но которые были мне полезны, даже необходимы.

...Чтобы выжить, тем из нас, для кого угнетение – это так же по-американски, как яблочный пирог, приходится быть наблюдательными (7).

Мне было стыдно за мое высокомерие и страшно, что мое невежество будет разоблачено, но в то же время я была взволнована открывающимися передо мной возможностями. Я пообещала своему будущему стараться слушать те голоса в других и в самой себе, которые знают то, что знают, именно потому, что они другие. Я хотела услышать то, что они могут мне сказать.

Конечно, отголоски не затихают.

Когда я вновь перечитала «Дитя-мужчину» несколько лет спустя, проделав за это время большую работу по возвращению себе своей еврейской идентичности, я задумалась о сложностях положения моего сына как белого мужчины-еврея в белом христианском обществе. При первом чтении я не видела в этом проблемы – теперь трудно даже вообразить такую недалекость.

Когда мы определяем себя, когда я определяю себя, ту часть, в которой я такая же, как вы, и ту часть, в которой я отличаюсь, то я не лишаю вас объединения со мной, а расширяю область объединения (8).

Расстояние между чувством и мыслью еще сильнее сокращается по мере того, как мы знакомимся с тем, что происходит в душе у Лорд. Мы наблюдаем, как она движется от «хаоса

знания... той темной и истинной глубины... внутри каждой из нас, [где] взращивается видение» (9) до «еретических действий, что подсказывают наши мечты» (10). Понимание – осознание и соединение частей в целое, движение от одной точки к следующей – прокладывает связи.

Понимание помогает делать знание доступным для применения – в этом и заключается безотлагательность, импульс, энергия. (11)

Движение целенаправленно и поддерживает жизнь.

Нигде эта целенаправленность не проявляется так наглядно, как в «Преобразовании молчания в язык и действие». Здесь Лорд пытается справиться с возможным онкологическим диагнозом. «У меня было чувство, возможно, телесное ощущение, что жизнь никогда не будет прежней» (12). Она решает это публично, на академическом собрании, перед семьями женщин. Она говорит нам, что боится, но молчание не защитит.

Страх здесь неизбежен – страх видимости, страх беспощадного внимания, а может быть, и осуждения, и боли, и смерти. Но всё это мы уже пережили в молчании – кроме смерти. И теперь я всё время напоминаю себе, что если бы я родилась немой или хранила бы всю жизнь обет молчания ради безопасности, то я бы всё равно страдала и всё равно бы умерла. Такие мысли очень помогают взгляду со стороны. (13)

Лорд встречается лицом к лицу с худшим, чтобы освободиться и испытать лучшее, и делает это с непоколебимой решительностью. Хотя «Сестра-отверженная» охватывает почти десять лет ее творчества, девять из пятнадцати текстов в этой книге были написаны в течение двух лет после того, как Лорд узнала, что у нее может быть или действительно есть рак. По мере того как она растет, принимает и применяет то, чему научилась, она показывает нам то, что мы можем перенять для нашей борьбы за выживание, каким бы ни было наше «худшее».

Разве осталось хоть что-нибудь, чего мы можем бояться, если мы уже встретились лицом к лицу со смертью и не согласились на нее? Если однажды я приняла умирание как процесс жизни, разве кто-то еще может получить власть надо мной? (14)

Одри Лорд требует от нас не больше, чем от самой себя: чтобы мы обращали внимание на те голоса, которым нас учили не доверять; чтобы мы проговаривали то, чему учимся у них; чтобы наши поступки не расходились с тем, что мы знаем. Она развивает темы, постепенно перерабатывая и дополняя их, и тем самым строит свою теорию – точно так же и мы можем сопрягать материал нашей жизни.

Черная женщина, лесбиянка, феминистка, мать двоих детей, дочь иммигрант/ок из Гренады, преподавательница, пережившая рак, активистка. Эссе и речи «Сестры-отверженной» придают новое звучание основополагающей феминистской истине, которая уже поистрепалась от неуместных повторений: личное – это политическое. Работа Одри Лорд дает силу всем нам.

Я та, кто я есть, и делаю то, ради чего пришла, – служу вам лекарством или резцом, напоминаю вам о том, что есть в вас от меня, когда я раскрываю вас в себе (15).

*Нэнси К. Береано¹
Декабрь 1983 года*

---

¹ Нэнси К. Береано (род. 1942) – американская редакторка и издательница. В течение пяти лет редактировала феминистскую серию в независимом издательстве Crossing Press и в ее рамках выпустила «Сестру-отверженную» Одри Лорд в 1984 году. В том же году Береано покинула Crossing Press и открыла собственное лесбийское феминистское издательство Firebrand Books, которое возглавляла до ухода на пенсию в 2000 году. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.

Путевые заметки из России²

С тех пор как я вернулась из России несколько недель назад, мне снилось много снов. Сначала я каждую ночь видела Москву. Иногда мы возвращались туда с моей возлюбленной; иногда я оказывалась в более теплых местах, где я успела побывать, а порой в других, незнакомых городах – холодных, белых, странных. В одном сне я занималась любовью с женщиной за стеллажом с одеждой в московском ГУМе. Женщина почувствовала себя плохо, мы поднялись на другой этаж, и я сказала медсестре³: «Ей нужно в больницу». Медсестра ответила: «Хорошо, везите ее туда и скажите, что ей нужен рентген почек и мозга...» А я возразила: «Нет, они не будут делать такое по моей просьбе». Тогда она очень странно посмотрела на меня и сказала: «Конечно, будут». И тут я осознала, что я в России и что лекарства, и медицинское обслуживание, и всё остальное здесь бесплатное.

Сны не приходят больше каждую ночь, но похоже, что они становятся всё глубже и глубже, так что я просыпаюсь не помня содержание, но только зная, что мне снова снилась Россия. На какое-то время в моих снах Россия стала мифическим образом такого социализма, какого пока еще нет ни в одной стране, где я побывала. Обстоятельства жизни в России выглядят в некоторых отношениях совершенно другими, и всё же люди кажутся очень западноевропейскими (даже американскими), разве что не в Ташкенте. А дневные часы в Москве так темны и мрачны.

---

² Это отредактированные записи из дневника, который я вела во время двухнедельной поездки в Россию в 1976 году. В качестве наблюдательницы от США я была приглашена на Конференцию писателей стран Азии и Африки [официальное название – Встреча молодых писателей стран Азии и Африки. – *Прим. ред.*], организованную Союзом писателей СССР. – *Примеч. авт.*

³ В советское время в комнате матери и ребенка ГУМа действительно работали дежурные медсестры. – *Примеч. пер.*

I

Перелет до Москвы занял девять часов, и, по моим наблюдениям в самолете, русские в целом так же недружелюбны друг к другу, как и американ/ки, и примерно так же не стремятся помогать.

Там была старая женщина с чудесным морщинистым лицом и голубыми глазами, лет семидесяти, с платком на голове и пальто, свернутым в огромный тюк. В самолете разнообразные тюки с одеждой были у всех, кроме меня. Когда я вышла по трапу в московскую погоду, то поняла почему. Так вот, эта женщина сидела прямо передо мной. Она летела одна и была слишком маленького роста, чтобы положить свой тюк на полку. Она попыталась один раз, второй, и в конце концов я встала и помогла ей. Самолет был набит битком – я никогда раньше не видела на авиарейсах такой давки. Та пожилая женщина обернулась и посмотрела на меня. Было понятно, что она не говорит по-английски: я пробормотала что-то, но не получила ответа. В ее глазах не было никакой злобы. Я подумала в секундном ошеломлении, насколько само собой разумеющимся кажется некоторое напряжение, когда встречаются взглядом Черные и белые американ/ки. Благодарности в ее глазах тоже не было, только что-то вроде простого человеческого отклика на мое существование. А потом, когда она повернулась, чтобы сесть на свое место, на свитере под ее неказистым жакетом я увидела не меньше трех медалей военного вида с шевронами. Медали Героя Республики⁴, как я узнала позже. Их вручают за усердный труд.

Подобное я наблюдала везде: старые люди в России носят на себе печать того, что мне бы хотелось перенять и никогда не утратить, – будничную стойкость и знание своего места на земле, ощущения твердости и надежности.

Я приземлилась 10 сентября примерно в 15:30 по московскому времени и вышла в очень промозглую, привычную серость. Воздух почти ностальгически веял зимой. Деревья были как на День благодарения, а небо – серовато-тыквенного цвета индейки. Я увидела трех высоких женщин с квадратными лицами, они шагали под руку по летному полю, смеясь и шутя. Очевидно, это были работницы, идущие со смены, – в серых комбинезонах и куртках, в фуражках, а в руках они держали бидоны с едой. Они остановились около притормозившего грузовика и принялись стучать в закрытое окно, привлекая внимание женщины-пассажирки полупуш-кой-полуприветствием в адрес водителя. Тот явно был их приятелем, судя по тому, как все они тыкали друг в дружку пальцами и громко хохотали – на московской летной полосе, в тусклом свете, размахивая бидонами с едой и дурачась.

Мою сопровождающую из «Интуриста» зовут Хелен⁵, это очень любезная и привлекательная крупная женщина лет тридцати. Хелен родилась на востоке, недалеко от Японии, ее отец был военным и погиб. Теперь она живет с матерью, и, как она мне рассказала, им приходится всё делать самим, потому что мужчин вокруг мало и получить помощь негде.

В России в аэропортах и гостиницах надо самой носить свой багаж. Сначала я восприняла это как бремя, потому что, конечно, невесело тащить набитый чемодан по лестнице на седьмой этаж, когда лифт не работает. Но чем дольше я здесь находилась, тем справедливее это казалось, так как в этой стране, похоже, мерило всего – еда. То есть ручной труд измеряется количеством еды, которую ты можешь произвести, а дальше важность этого сравнивается с ценностью другого твоего труда. Некоторые мужчины и женщины, например, всю жизнь зани-

---

⁴ И описание, и название медалей содержат неточности. Шеврон (англ. *chevron*) – это нарукавный знак отличия, Лорд не могла увидеть его на свитере под жакетом своей попутчицы. Награды с названием «Герой Республики» в СССР не было – возможно, речь идет об орденах Героя Социалистического Труда или Трудовой Славы.

⁵ Сопровождающая, по всей видимости, представилась Лорд английским вариантом своего имени, и мы сохраняем эту форму в переводе. – *Примеч. пер. и ред.*

маются тем, что сначала учатся, а затем бесконечно медленно и кропотливо вручную реставрируют лазоревую плитку в Самарканде, восстанавливая древние мавзолеи. Такой труд ценится очень высоко. Но предметы древности имеют особое значение, в то время как носить чужой чемодан – дело невысокой важности, не слишком продуктивное ни с точки зрения красоты, ни с точки зрения стоимости. Если ты не в состоянии нести свой чемодан – это другое дело. По-моему, крайне интересный подход.

От аэропорта до Москвы около тридцати миль; дорога, деревья и люди за рулем выглядят точь-в-точь как в Северном Уэстчестере⁶ на исходе зимы, не считая того, что я не могла прочесть ни одной вывески. Время от времени мы проезжали невероятно красивые, обветшалые и неухоженные деревянные дома в старом русском стиле, покрашенные в яркие цвета, с нарядными орнаментами вокруг окон. Некоторые дома почти разваливались. Но в пейзаже и архитектуре окрестностей Москвы всё же была широта и праздничное буйство красок, несмотря на зимнюю серость, и это немедленно напоминало о том, что я не дома.

Меня поселили в «Юности», одной из московских международных гостиниц. Номер был квадратной студией с голливудским диваном-кроватью и огромным панорамным окном, выходящим на Национальный стадион и железнодорожный мост⁷, а за ними на фоне неба вставали впечатляющие здания университета. Но всё так напоминало зимний Нью-Йорк, когда в полдесятого вечера, после ужина, я сидела и писала, поглядывая сквозь шторы: и шум поезда, и свет на горизонте, и огни автомобилей, проезжавших время от времени между мостом и гостиницей. Всё это было как еще один из сотен привычных вечеров на Риверсайд-драйв⁸, только на самом краю обзора виднелся золотой, похожий на луковицу купол православной церкви.

Перед ужином я выбралась на короткую прогулку. Уже смеркалось, но на одной улице с гостиницей была станция «Метро», то есть подземки, под названием «Стадион»⁹. Я пошла к ней, спустилась на станцию и некоторое время стояла перед эскалаторами, просто глядя на лица появляющихся и исчезающих людей. Я будто сразу же попала на 14-ю улицу моего детства, до того как Черные и латиноамерикан/ки расцвели Нью-Йорк, разве что здесь все вели себя куда более чинно и не было такой давки. Самым странным за те десять минут, что я там стояла, было полное отсутствие Черных людей. И то, что смотрительница у турникетов и дежурная по станции были женщинами. Станция была просторной, красивой и очень чистой – шокирующе, поразительно, приятно чистой. Она напоминала фойе театра: блестящая латунь, мозаика, сияющие люстры. Даже когда люди спешили – а в Москве всегда какая-то спешка, – в них не было нью-йоркской безнадежности. Общей во всех лицах была некая благожелательность, готовность улыбнуться, по крайней мере мне, незнакомке. Странный контраст с мрачностью погоды.

В окрестностях гостиницы встречаются Черные люди, и я спросила Хелен об Университете имени Патриса Лумумбы. Это университет в Москве для студент/ок из африканских стран¹⁰. Когда я вернулась из метро, рядом с гостиницей и внутри нее было много африкан/ок, и я подумала, что многие из них приехали на конференцию. Интересно, что большинство из них говорит по-русски, а я – нет. Спустившись к ужину, я чуть было не спасовала перед лицом нерешаемой языковой задачи, потому что не могла даже выяснить, куда мне садиться и нужно ли ждать, пока меня проведут к столику. Когда не знаешь алфавита, к чужому языку нет совер-

⁶ Северный пригород Нью-Йорка.

⁷ Имеются в виду стадион «Лужники» и Лужнецкий метромост. – *Примеч. пер. и ред.*

⁸ Улица на западе Манхэттена.

⁹ Станция метро «Лужники». – *Примеч. пер.*

¹⁰ Университет дружбы народов (ныне Российский университет дружбы народов) был учрежден в 1960 году в рамках помощи странам, освободившимся от колониального подчинения, и принимал студент_ок из Азии, Африки и Латинской Америки. С 1961 по 1992 год носил имя Патриса Лумумбы – первого премьер-министра Демократической Республики Конго, одного из лидеров мировой антиколониальной борьбы.

шенно никаких ключей. В этот момент мимо меня прошел молодой Черный мужчина с тем особым пижонством красивых Черных юношей, которые хотят, чтобы на них обратили внимание, и я спросила его: «Вы говорите по-английски?» «Да», – сказал он и стремительно пошел от меня прочь. Я догнала его, но когда попыталась спросить, могу ли я сесть или должна ждать, пока для меня найдут столик, я поняла, что бедный мальчик не понимает ни слова моей речи. Мне ничего не оставалось, кроме как достать два моих верных разговорника и с их помощью заказать вкуснейший ужин: белое вино, рыбный суп со свежей скумбрией, лимонный, пряный и оливково-наваристый, нежную жареную осетрину в маринаде, хлеб и даже стакан чая. Всё получилось благодаря большому упорству и решительности с моей стороны и улыбчивому терпению весьма любезной официантки, которая привела с кухни одного из поваров, чтобы тот помог с дешифровкой моих пожеланий.

II

В Москве очень холодно. В день моего приезда утром шел снег, и сегодня снова идет снег, а ведь это только 16 сентября. Моя сопровождающая Хелен удивительно точно высказалась об этом. Она сказала, что жизнь в Москве – непрерывная борьба с холодом и что жить вообще – значит просто не замерзнуть насмерть. То ли из-за холода, то ли из-за нехватки еды в годы войны все здесь невероятно много едят. Сегодня вечером Хелен из-за небольшой ошибки официанта принесли два ужина, и она не раздумывая съела их оба. При этом никто не выглядит особенно толстыми, но я думаю, что это во многом связано с погодой. Сегодня за ужином мы пили вино, и, видимо, оно часто используется, чтобы помочь беседе. Кажется, это чуть ли не обязательно. За ужином на столе всегда стоит три стакана: один для воды, один для вина и один для водки, которая течет тут как вода и, похоже, так же мало влияет на русских.

Сегодня мы группой от конференции вместе с сопровождающими из «Интуриста» были на экскурсии. Трудно поверить, что сегодня воскресенье: весь город выглядит таким наполненным будничной жизнью, таким погруженным в свои дела, что кажется, будто неделя продлена на один день. Мы видели музей Новагородского монастыря¹¹ и сияющие, веселые, золотые луковичы-башенки, при взгляде на которые мгновенно проходит чувство, будто я на Манхэттене. Мы посмотрели университет и, конечно, многочисленные мемориальные доски, посвященные многочисленным героиням, но ни одна не тронула меня так сильно, как та суровая старушка, летевшая Аэрофлотом. И Большой театр балета. Было дождливо, серо и пасмурно – декабрьский нью-йоркский день, – и всё выглядело величественно, как на Гранд-Конкорс в районе 161-й улицы в Бронксе в середине декабря или на Колумбус-Серкл¹². Золотые луковичы-башенки на некоторых старых зданиях прекрасны, они всё время блещут, даже в такую погоду, и поэтому кажутся обещаниями радости в этом пейзаже или волшебными дворцами, а милые зеленые, белые, желтые и оранжевые росписи, обрамляющие окна, чудно выделяются в серости погоды. Надеюсь, мне представится случай увидеть Пушкинский музей.

У меня взяла интервью очаровательно проницательная, по-матерински заботливая женщина из Союза советских писателей. Она исследует «негритянскую политику», по ее выражению, и, конечно, очень интересуется женщинами в Штатах. Мы проговорили добрых два часа, и среди прочего я рассказала ей про пожилую женщину с медалями в самолете, спросив, не знает ли она, что это были за медали. Она сказала, что женщина, вероятно, работница сельского хозяйства, которую наградили званием «Герой Республики». Их в основном дают людям, которые много трудились, сказала она. Это любопытно, потому что ранее, за обедом, я увидела свою переводчицу, Хелен, с неожиданной стороны. Она разозлилась на одну из официанток, которая не подошла к ней достаточно быстро, а обслуживания действительно приходится долго ждать. Хелен заметила, что этой страной правят рабочие, и в ее тоне мне послышалось отращивание или, по меньшей мере, досада. Думаю, Хелен полагает, что ее дискриминируют или что она в невыгодном положении как «интеллектуалка» – она занимается не только устным, но и письменным переводом. Мне это показалось странной заносчивостью, ведь Хелен работает не меньше, а может быть, и больше любой официантки, когда бежит за мной и живет мою жизнь одновременно со своей. Потому что она не отходит от меня ни на шаг.

Мы побывали в университете, и наш гид рассказывал по-английски о зданиях, которые строили в сталинские времена. Чтобы заложить фундамент и возвести эти постройки,

---

¹¹ Скорее всего, Новодевичий монастырь, расположенный в Лужниках недалеко от гостиницы «Юность». – *Примеч. пер. и ред.*

¹² Гранд-Конкорс – транспортная магистраль в Бронксе. Колумбус-Серкл – площадь на Манхэттене рядом с Центральным парком.

камень везли из Украины, потому что Москва, в отличие от Нью-Йорка, стоит не на скальной породе. Удивительно, что город из таких огромных, внушительных, каменных зданий может быть выстроен не на твердой почве. Как будто бы он держится силой человеческой воли. Пока мы стояли перед зеркальным прудом и обсуждали это, ко мне бочком подкрался светловолосый мальчик лет десяти с совершенно интернациональным видом, встал рядом и, украдкой коснувшись меня, раскрыл передо мной ладонь. Посреди его маленькой руки лежал значок в виде красной звезды с солдатом посередине. Я совершенно растерялась, так как не понимала, чего хочет ребенок, и спросила Хелен, но она сказала мальчику что-то резкое и отогнала его так быстро, что я не успела ее остановить. Позднее она объяснила, что он хотел выменять свой значок на американский. Этот ребенок стоял в стороне и наблюдал за нами, странными Черными людьми, и смог угадать во мне американку – потому что, конечно, только американ/ки носят много значков, – и решил обменять свой значок с красной звездой. Меня тронул этот ребенок – я всё думала о том, что сегодня воскресенье и он, наверное, ищет удачи во всех туристических местах. Наверняка его родители не знали, где он, и интересно, думала я, что бы сделала его мать, если бы узнала.

Женщина из Союза писателей, которая пишет книгу о негритянской политике, была, как мне показалось, немногим старше меня – наверное, ей немного за пятьдесят – и ее муж был убит на войне. Детей у нее не было. Она сообщила эти факты о себе сразу, как мы сели, открыто говоря о своей жизни, как здесь, кажется, делают все. Я говорю «кажется», потому что у этой откровенности есть и своя граница. И она, как и моя сопровождающая, и большинство здешних женщин всех возрастов, похоже, скорбит по мужчинам, которых больше нет. В то же время они вроде бы избавились от многих традиционных ролей и игр по отношению к мужчинам. Почти все, кого я встречала, потеряли кого-то на «Великой Отечественной войне», как они ее здесь называют, то есть, по-нашему, на Второй мировой.

Сегодня вечером у меня брал интервью Олег, один из представителей Союза советских писателей, которые пригласили меня в Россию и оплачивали счета. Из разговора с ним я узнала, что гостиница, в которой мы живем, раньше была молодежным общежитием, и Олег извинился, что это место, как он выразился, не такое «цивилизованное», как другие московские гостиницы. Я сталкивалась со словом «цивилизованный» и раньше, и мне стало интересно, используется ли оно в разговорах с американ/ками, или, может быть, оно означает соответствие американским стандартам. Мне всё больше кажется, что американские стандарты здесь своего рода негласная норма и что с ними нужно считаться вне зависимости от того, противишься ли ты им или принимаешь их. Это довольно неутешительно. Но вернувшись в гостиницу, я отмечаю, что отделка здесь в самом деле немного потрепанная, но всё в рабочем состоянии, а кровать в номере хоть и кажется подростковой по размеру, но вполне удобна. Для молодежного общежития это куда лучше, чем я могла бы себе представить. Конечно, я не могу не задаться вопросом, почему людей, приехавших на афро-азиатскую конференцию, селят в молодежном общежитии, тем более «нецивилизованном», но вряд ли я когда-либо получу на это ответ¹³. Все гостиничные номера в Советском Союзе стоят одинаково. Коммунальные услуги – как рассказала Хелен, пока мы ехали на метро отправлять телеграмму – здесь очень дешевые. Газ для готовки стоит шестнадцать копеек в месяц, что меньше одного рубля (около трех долларов США), а за электричество даже зимой, при наибольшем потреблении, когда Хелен целыми днями сидит за переводами, она платит три рубля в месяц. По ее словам, это очень дорого. Двухкомнатная квартира, которую они делят с матерью, стоит восемь рублей в месяц.

Олег не знает английского, точнее, не говорит по-английски. Как и многие люди, с которыми я познакомилась в России, он понимает английскую речь, хотя и не подает виду. Олег

---

¹³ Не преуменьшая важность антиколониальной критики Лорд, напомним, что конференция была, по крайней мере формально, встречей молодых писатель_ниц стран Азии и Африки.

сказал мне через Хелен, что хочет, чтобы я знала, что для нас очень важно познакомиться с другими писатель/ницами и что цель конференции в том, чтобы мы встретились и объединились. Я поблагодарила его за двадцать пять рублей, которые получила сразу же по приезде в Москву как подарок от Союза советских писателей на карманные расходы. Я говорила об угнетенных людях по всему миру, о том, как важно встречаться, чтобы соприкоснуться и поделиться друг с дружкой, я говорила о ЮАР и их борьбе¹⁴. Олег ответил очень любопытно: «Да, в ЮАР в самом деле всё очень плохо. Это как незаживающий гнойник». Это прозвучало для меня одновременно отстраненно и по-собственнически. Непонятно. Мой друг Вилли, южно-африканский поэт, теперь живет в Танзании, и, возможно, он тоже здесь, чем я очень воодушевлена.

---

¹⁴ В ЮАР в 1970-е годы нарастала борьба против апартеида.

III

Мы отправились на юг, в Узбекистан, на конференцию. Из-за задержек пятичасовое путешествие превратилось в семичасовое. В Ташкент прибыли уже ночью, после долгого, изнурительного полета. Как я уже говорила, российские самолеты невероятно набиты, каждый дюйм занят сиденьями. Свое воздушное пространство они задействуют полностью. Даже рейс из Нью-Йорка в Москву смахивал на воздушный общественный транспорт. А из Москвы в Ташкент тем более. На борту были 150 делегат/ок конференции: писатель/ниц стран Азии и Африки, я, одна наблюдательница, переводчи/цы и представитель/ницы прессы. В общей сложности, группа примерно из 250 человек, что довольно много для перелета через страну, которая по меньшей мере в четыре или пять раз больше Соединенных Штатов (причем в стандартном, а не широкофюзеляжном самолете).

Когда мы вышли из самолета в Ташкенте, было восхитительно жарко и пахло как в Аккре в Гане. По крайней мере, так мне показалось за короткую поездку из аэропорта в гостиницу. Дорога в город проходит по широким проспектам, окруженным зданиями из дерева и белого мрамора, в ярком свете уличных фонарей. Весь Ташкент отстроили заново после землетрясения 1966 года. Мы устали, всем было жарко, но нас ждал такой прием, который заставил бы ваше сердце замереть, а потом запеть. Представьте себе нас, 250 человек, утомленных дорогой и теснотой, недостатком еды и избытком разговоров, голодных и растерянных. Уже стемнело. Мы выходим из самолета, а перед нами больше сотни встречающих, телекамер и фонарей, а еще двести или триста нарядных детей с букетами цветов, которые они суют нам в руки, пока мы спускаемся по трапу. «Сюрприз!» В самом деле, это было неожиданно. Сюрприз чистой воды, и я была сильно удивлена. Я была удивлена этим жестом, пусть даже несколько приторным, и массовым участием в нем. Но больше всего меня удивила собственная реакция: я почувствовала себя искренне желанной гостьей.

Итак, мы направились в гостиницу, и здесь впервые за всё время в России я ясно почувствовала, что встретила людей с горячей кровью – в том смысле, что здесь был контакт без избегания, были возможны желания и эмоции, было ощущение чего-то неуловимо знакомого и родного. Не в облике города, потому что он не похож ни на что виденное мною ранее – ночь и минареты, – но в том, что темп жизни здесь жарче и быстрее, чем в Москве, а вместо московской непреклонной вежливости люди здесь проявляют некую теплоту, которая очень подкупает. В Ташкенте живут азиат/ки. Узбек/ки. Они выглядят как потомки Чингисхана – некоторые, думаю, и есть его потомки. Они и азиат/ки, и русские. Они думают и говорят о себе как о русских и, насколько я могу судить, считают себя русскими во всех смыслах, и я удивляюсь, как им это удастся. С другой стороны, чем дольше я находилась здесь, тем яснее понимала, что личная натянутость между северными русскими и узбек/ками имеет частично национальную и частично расовую природу.

В конференции участвует всего четыре сестры. В самолете по дороге в Ташкент я сидела с тремя другими африканскими женщинами, и мы пять с половиной часов болтали о наших детях, бывших мужьях и всем таком гетеропрочем.

IV

Ташкент разделен на две части. Есть старая часть, которая пережила колоссальное землетрясение 1966 года, и есть новая часть, лежащая на окраине старого Ташкента. Она отстроена совсем недавно и выглядит очень современно, ее восстановили в кратчайшие сроки после землетрясения, которое практически уничтожило город. Восстановление шло силами всего Советского Союза. Люди приехали из Украины, Беларуси – отовсюду, и отстроили город заново. В новой части города соседствуют разные архитектурные стили, потому что каждая группа приезжих строитель/ниц возводила свой вид зданий. Получился словно памятник совместному труду множества людей. Это стало одним из моих самых сильных впечатлений в Ташкенте. Старая часть – по сути, центр Ташкента – очень и очень похожа на город в Гане или Дагомее, скажем, Кумаси или Котону¹⁵. При дневном свете она так сильно напоминает некоторые места в Западной Африке, что это кажется просто невероятным. В сущности, если Москва – это Нью-Йорк, но в другом месте и цвете – потому что и в Нью-Йорке, и в Москве живет чуть более восьми миллионов человек и, очевидно, у этих городов должно быть много общих проблем, хотя Москва, видимо, решила их совсем по-другому. Так вот, если Москва – это Нью-Йорк, то Ташкент – это Аккра. В нем столько африканского: и торговые палатки, и смесь старого и нового, и гофрированные жестяные кровли на глинобитных домах. И запах кукурузы на площади, хотя площади современнее, чем в Западной Африке. И даже некоторые цветы и деревья, например, каллы. Только почва там была красная, латеритная¹⁶.

---

¹⁵ Республика Дагомея – название государства Бенин до 1975 года. Кумаси – второй по величине город в Гане. Котону – крупнейший город Бенина.

¹⁶ Латерит – красная глинистая почва, характерная для тропического климата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.